

ИНТЕРФЕРЕНЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ В РУССКОЙ РЕЧИ НЕМЦЕВ–БИЛИНГВОВ КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ РОДНЫХ НЕМЕЦКИХ ДИАЛЕКТОВ

О. В. Байкова

Вятский государственный университет, Киров

Проблема интерференции является одним из самых сложных вопросов, имеющих отношение к языковому взаимодействию, поэтому особенно важно исследовать ее механизм на примере языка российских немцев Кировской области. В статье реализуется исторический и лингвокультурологический подходы к исследованию взаимосвязи народно-разговорной речи и традиционной культуры российских немцев, проживающих на территории Кировской области. Автором представлены результаты комплексного анализа интерференционных особенностей в русской речи немцев-билингвов под влиянием немецкого языка и его диалектов, а именно, отмечаются фонетические, лексические и грамматические особенности, возникающие под влиянием интерференции с немецким языком. Русская речь немцев-билингвов неоднородна и варьирует от «практически безакцентной» до «неестественной» для слуха русских монолингвов. В результате взаимодействия русского и немецкого языков в речи немцев-билингвов все чаще наблюдается вторжение норм одной языковой системы в рамки другой, в результате чего происходит так называемое выравнивание взаимодействующих языков. Иными словами, наблюдается зарождение третьей – промежуточной системы, не совпадающей ни с немецким, ни с русским языками и выполняющей в сознании билингва адаптивную функцию к языку окружения. Данное исследование вносит вклад в немецкую диалектологию, обогащая как теорию и типологию островных, сохраняющих архаические черты диалектов, так и теорию и практику научно обоснованной языковой политики и сохранения языка.

Ключевые слова: российские немцы Кировской области, интерференция на всех уровнях языка, смешение языков

1. Введение

Термин «интерференция» используется в лингвистической литературе для обозначения изменений, которые наблюдаются в речи билингвов в результате взаимодействия различных языковых систем. С этих позиций явление интерференции представляет интерес для нашего исследования, поскольку «с точки зрения индивида два языка – это два вида деятельности, в которой действуют одни и те же органы» [Вайнрайх 2000: 126]. Однако, по мнению А. А. Леонтьева, из психологии известно, что человек стремится переносить ранее усвоенные навыки и умения на новые действия, тем более тогда, когда они сходны. Можно предположить, что перенос (transfer) наиболее типичен для тех действий, которые в высшей степени автоматизированы и поэтому, как правило, проходят не осознано [Леонтьев 1969: 143]. Это, в первую очередь, относится к артикуляции и восприятию. Перенос рассматривается нами как общая закономерность человеческой деятельности. В том случае, когда явления в двух языках сходны, перенос как таковой не отмечается. Это случай так называемого

положительного переноса, или фацитации (ср. [Карлинский 1980: 21]). Перенос проявляется лишь тогда, когда влечет за собой негативные последствия – отклонения, за которыми остается понятие интерференции.

Изучая явление интерференции в языке российских немцев Кировской области, в качестве рабочей дефиниции мы воспользовались формулировкой, предложенной Л. И. Баранниковой: «Интерференция – это изменение в структуре или элементах структуры одного языка под влиянием другого языка, причем не имеет значения, идет ли речь о родном, исконном для говорящего языке, или о втором языке, усвоенном позднее» [Баранникова 1972: 88].

Источником интерференции являются любые различия между языками, находящимися в контакте. Интерференция обнаруживается особо ярко при контактировании неродственных языков, так как каждый из языков располагает своей системой фонетических, лексических и грамматических средств. Исходя из этого, можно выделить и различные виды уровневой интерференции: фонетическую, грамматическую, лексико-семантическую и синтаксическую.

Наиболее явно в звучащей речи билингва проявляется фонетическая интерференция. Отклонения от нормы произношения, вызванные фонетической интерференцией, порождают в восприятии носителей языка впечатление произносительного акцента. По определению Н. А. Любимовой, фонетическая интерференция «есть, прежде всего, нарушение (искажение) вторичной языковой системы и ее нормы в результате взаимодействия в сознании говорящего фонетических систем и произносительных норм двух. А иногда и более языков, проявляющегося через интерференцию слуховых и произносительных навыков, сформированных на базе данных взаимодействующих систем» [Любимова 1985: 18]. Фонетическая интерференция затрагивает все уровни звуковых систем языка (собственно звуковой, интонационный, просодический) и порождает «отрицательный языковой материал» [Щерба 1958: 55] в речи билингва, влияющий на степень понимания высказывания носителем языка и на конечный результат речевой коммуникации.

Что касается проблемы грамматической интерференции, то одни ученые (В. М. Жирмунский, Э. Сепир, А. Мейе, Л. И. Баранникова и др.) считают, что грамматические структуры контактирующих языков непроницаемы. Ими вполне допускается, что из одного языка в другой могут быть заимствованы различные слова, выражающие субстанции, признаки, но ни один язык не может заимствовать, например, целую падежную парадигму другого языка. Другие же лингвисты (У. Вайнрайх, Ю. Д. Дешериев, Ю. А. Жлуктенко, В. Ю. Розенцвейг и др.) высказываются в пользу того, что грамматические структуры разных языков могут влиять друг на друга. Степень проницаемости различных уровней языка различна: наибольшая степень устойчивости принадлежит именно морфологическому уровню. Наиболее типичным проявлением грамматической интерференции в речи билингов является

употребление грамматических конструкций изучаемого языка по аналогичным моделям, взятым из родного языка.

Типичными причинами лексико-семантической интерференции являются: 1) несовпадение внутрисловных семантических связей; 2) отличие слов по объему значения; 3) культурное своеобразие лексических значений, когда слова, тождественные по смыслу, выполняют в разных языках разные функции и употребляются в несвойственном для данного языка значении. Результатом интерференции языков на лексико-семантическом уровне является постепенное сближение, как отдельных единиц этого уровня, так и отдельных структур, в состав которых они входят. Лексико-семантическая интерференция проявляется сначала в речи билингва, но при коллективном билингвизме может переместиться и в сферу литературного языка, внося изменения в состав лексического инвентаря того или иного языка.

Синтаксическая интерференция определяется как прямой перенос моделей сочетания слов или построения предложений из одного языка в другой. Одной из причин синтаксической интерференции может быть незнание трансформационных правил второго языка.

Проблема интерференции является одним из самых сложных вопросов (ср. работы [Донгаузер 1980; Дятлова 2003; Москалюк 2002; Москвина 2006]), имеющих отношение к языковому взаимодействию, поэтому особенно важно исследовать ее механизм на примере языка российских немцев Кировской области. В результате взаимодействия русского и немецкого языков в речи немцев-билингвов все чаще наблюдается вторжение норм одной языковой системы в рамки другой, в результате чего происходит так называемое выравнивание взаимодействующих языков. Примером того, что родной немецкий язык российских немцев оказывает влияние на русский язык, которым они овладели в измененных социальных условиях, являются некоторые наблюдения, представленные в данной работе.

2 Языковые особенности немцев-билингвов Кировской области: восприятие русской речи российских немцев носителями русского языка как родного

2.1 Экспериментальные данные

Целью представленной статьи является изучение интерферирующего влияния со стороны системы родного немецкого языка на неродной русский язык немцев-билингвов, что дает возможность комплексного исследования коммуникативного эффекта акцентной речи.

В качестве материала для изучения процессов взаимодействия языков в речи билингвов сделаны записи речи российских немцев, проживающих в Кировской области. Магнитофонные записи в объеме 50 часов представляют собой спонтанные монологические высказывания и ответы на вопросы на

разнообразные темы: биографический материал, рассказы о родственниках и знакомых, о пережитых событиях в годы депортации, впечатления о вятской земле, вятских людях. Речь информантов имеет различную степень экспрессивности в зависимости от темы и содержания высказываний. Полученный таким образом материал дает возможность более объективно подходить к исследуемым явлениям в области межъязыковой интерференции и представить его с достаточной наглядностью.

При отборе звукового материала особое внимание уделялось наибольшей информативности с точки зрения исторического, социолингвистического и собственно лингвистического аспектов исследования. Большинство текстов является спонтанными монологами, прерываемыми вопросами диалектологов. Ряд текстов представляет собой диалоги информантов, принадлежащих к первой возрастной группе с диалектологами, ведущими запись.

Языковые материалы были использованы в эксперименте по восприятию русской речи российских немцев рассматриваемого региона, целью которого было определить и проанализировать влияние звуковой системы родного немецкого языка на систему неродного – русского. Объектом исследования является русская речь российских немцев, депортированных в 1940-х годах XX века в северные районы Кировской области и проживающих ныне в поселках Созимский и Черниговский Верхнекамского района данного региона (ср. [Байкова 2017]).

Участниками эксперимента выступили студенты-филологи I–V курсов Вятского государственного гуманитарного университета, прослушавшие курс диалектологии, истории и теории современного русского языка, а также курс диалектологии, истории и теории современного немецкого языка, которые должны были, прослушав речь, проанализировать языковой материал и прийти к каким-либо заключениям по заданным экспериментальным вопросам.

В качестве экспериментального материала использовались звучащие фрагменты длительностью 30 секунд. В текстах нет упоминаний о тех реалиях и фактах, которые могли бы подсказать национальность информанта.

Эксперимент проводился на персональных компьютерах в запрограммированной последовательности при помощи программы “VERSTEU”, созданной в 1991 году немецкими учеными М. Книпшильдом и К. Саппоком [Knipschild, Sappok 1991: 1045–1048] по экспериментальной методике, разработанной М. Краузе, В. Люблинской, К. Саппоком в связи с исследованиями диалектного сознания в современной России. Кроме того использовался метод географических определений диалектных текстов и их оценки [Краузе, Люблинская, Саппок 2001: 67–68; Krause 2006] Звуковые файлы прослушивались через наушники. В данном эксперименте принимало участие 25 человек.

Эксперимент состоял из трех тестов. Первый тест предполагал выявить, насколько ярко выражена взаимосвязь родного немецкого диалекта информанта и русского языка. Аудиторы должны были определить диалектную окраску

услышанной речи, используя четыре возможных варианта ответа: «литературный русский язык», «слабо выраженный русский диалект», «сильно выраженный русский диалект», «трудно сказать». Во втором тесте использовались те же самые звуковые файлы, однако цель была более узкой – показать, что родной немецкий язык информантов оказывает влияние на русский, которым они овладели в измененных социальных условиях – при переезде в русскоязычную область, а также что интерференция проявляется как иноязычный акцент в речи человека, владеющего двумя языками. Аудиторам предлагалось задание определить, произносит данное высказывание носитель русского или другого языка. Варианты ответов: «носитель русского языка», «носитель другого языка», «трудно сказать». В третьем тесте при прослушивании тех же звуковых файлов информанты должны определить, на каком уровне языка интерференция проявляется наиболее ярко. Как известно, она способна охватывать все уровни языка, но особенно заметна в фонетике. Действительно ли это так? На данный вопрос можно ответить только при помощи третьего теста эксперимента. Предлагаемые ответы: интерференция выражается «в фонетике», «в лексике», «в грамматике», «изменений нет».

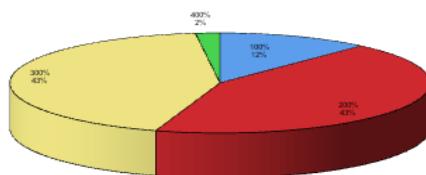
Испытуемым было предложено 15 стимулов, содержащих русскую речь 15 российских немцев Кировской области с ярко или слабо выраженной интерференцией. Каждому звуковому файлу было присвоено имя для краткости записи в компьютере, а именно инициалы российских немцев.

Результаты теста № 1

Таблица 1

Результаты эксперимента по оценке соответствия русской речи российских немцев нормам русского литературного языка

Стимул	1 Лит. рус. язык	2 Слаб. диал.	3 Сильн. диал.	4 Трудно сказать	5 Сумма	1	2	3	4	Сумма 100%
ПЕЕ	3	12	10	0	25	12%	48%	40%	0%	100%
СЭА	1	9	15	0	25	4%	36%	60%	0%	100%
ГРА	3	17	5	0	25	12%	68%	20%	0%	100%
МНБ	4	17	2	2	25	16%	68%	8%	8%	100%
ИКР	0	6	19	0	25	0%	24%	76%	0%	100%
ИИР	2	8	15	0	25	8%	32%	60%	0%	100%
КМА	2	20	3	0	25	8%	80%	12%	0%	100%
РМК	1	8	16	0	25	4%	32%	64%	0%	100%
КАХ	1	2	22	0	25	4%	8%	88%	0%	100%
ШИИ	0	6	19	0	25	0%	24%	76%	0%	100%
ЮЗК	4	17	4	0	25	16%	68%	16%	0%	100%
РЭГ	0	11	14	0	25	0%	44%	56%	0%	100%
ЮТА	0	7	16	2	25	0%	28%	64%	8%	100%
МЕИ	14	10	0	1	25	56%	40%	0%	4%	100%
ГОД	9	12	2	2	25	36%	48%	8%	8%	100%
n	44	162	162	7	375					
n[%]	11,73%	43,20%	43,20%	1,87%	100%					

Рис. 1. Оценка соответствия речи российских немцев нормам русского литературного языка

Из 100% (375) прослушанных стимулов – 11,73% были отнесены к литературному русскому языку, 43,20% – это «слабо выраженный диалект» (мы же предполагаем под этой цифрой слабо выраженную интерференцию), 43,20% – «сильно выраженный диалект» (сильно выраженная интерференция). Только 1,87% ответов – «трудно сказать». Самый высокий процент ответа «литературный русский язык» – 56% на фрагменте речи МЕИ; самый высокий процент ответа «слабо выраженный диалект» – 80% – на фрагменте речи КМА, самый высокий процент ответа «сильно выраженный диалект» – 88% – при восприятии фрагмента речи КАХ.

Необходимо отметить скорость выбора ответов, так как испытуемым предлагалось не дожидаться окончания звукового фрагмента, а отвечать как можно быстрее. Для этого на осциллограмме в программе “SONA” была заранее проведена сегментация каждого звукового отрезка продолжительностью в 30 секунд на 10 одинаковых частей, что позволяло при помощи программы “VERSTEU” зафиксировать время задержки реакции. Таким образом, мы могли получить возможность соотнести ответ аудиторов с той порцией текста, которая была необходима для принятия решения. Самый короткий сегмент ответа «литературный русский язык» – 04 – на фрагментах речи ЮЗК, МЕИ, ГОД. Самый короткий сегмент ответа «слабо выраженный диалект» – 02 – ПЕЕ. Самый короткий сегмент ответа «сильно выраженный диалект» наблюдается на фрагменте 02 – СЭА, РЭГ. Таким образом, иноязычный акцент определяется испытуемыми достаточно быстро.

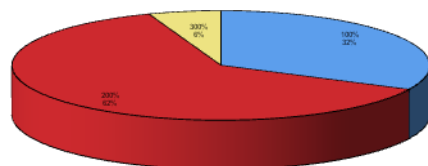
Результаты теста № 2

Во втором тесте использовались те же самые звуковые фрагменты, при прослушивании которых испытуемые давали ответы «речь носителя русского языка», «речь носителя другого языка», «трудно сказать». Во втором тесте внимание акцентировалось на принадлежности рассматриваемых стимулов носителям русского или другого языка.

Таблица 2

Результаты эксперимента по оценке акцента речи российских немцев как носителей русского или другого языка

Стимул	1. Рус. язык	2 Другой язык	3 Трудно сказать	4 Сумма	1	2	3	Сумма= 100%
ПЕЕ	3	22	0	25	12%	88%	0%	100%
СЭА	9	15	1	25	36%	60%	4%	100%
ГРА	17	8	0	25	68%	32%	0%	100%
МИБ	18	4	3	25	72%	16%	12%	100%
ИКР	7	17	1	25	28%	68%	4%	100%
ИИР	2	23	0	25	8%	92%	0%	100%
КМА	20	2	3	25	80%	8%	12%	100%
РМК	1	24	0	25	4%	96%	0%	100%
КАХ	6	19	0	25	24%	76%	0%	100%
ШИИ	1	24	0	25	4%	96%	0%	100%
ЮЗК	12	11	2	25	48%	44%	8%	100%
РЭГ	0	25	0	25	0%	100%	0%	100%
ЮТА	6	16	3	25	24%	64%	12%	100%
МЕИ	12	10	3	25	48%	40%	12%	100%
ГОД	11	13	1	25	44%	52%	4%	100%
n	125	233	17	375				
n[%]	32,26%	62,13%	5,61%	100%				

Рис. 2. Оценка акцента русской речи российских немцев

Из 100% стимулов 32,26% были соотнесены с ответом «носитель русского языка» (наиболее высокий процент ответа – 80% – фрагмент КМА), 62,13% – «носитель другого языка» (наиболее высокий процент ответа – 100% – фрагмент РЭГ), 5,61% – «трудно сказать».

Анализируя результаты первых двух тестов, следует отметить, что, несмотря на более чем полувековое проживание в Кировской области, несмотря на то, что русский язык стал средством общения почти во всех сферах общения, речи почти всех информантов свойственна межъязыковая интерференция, проявляющаяся как иностранный акцент, т. е. взаимное наложение систем немецкого и русского языков в речи информантов. Испытуемыми были определены следующие проявления иноязычного акцента в услышанных стимулах: 1) на уровне звука вследствие несовпадения фонемного состава, особенностей позиционного варьирования и артикуляционных баз родного и неродного языков; 2) на уровне слова в различиях в характере ударения и просодических законов в русском и немецком языках; 3) на уровне интонации

за счет несовпадения интонационных систем (нарушения в фонетическом строении интонационных моделей), а также за счет отклонения в синтагматическом членении речи на минимальные синтагмы и пословного произношения синтагмы, в том числе выделение предлогов, союзов, частиц.

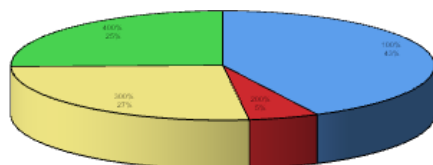
Результаты теста № 3

В третьем тесте испытуемые определяли, на каком уровне языка интерференция наиболее сильно выражена: в фонетике, лексике, грамматике – или же изменений не наблюдается.

Таблица 3
Сила языковой интерференции в русской речи российских немцев

Стимул	1 Фонетика	2 Лексика	3 Грамматика	4 Нет измен.	5 Сумма	1	2	3	4	Сумма= 100%
ПЕЕ	17	0	6	2	25	68%	0%	24%	8%	100%
СЭА	12	2	3	8	25	48%	8%	12%	32%	100%
ГРА	6	1	6	12	25	24%	4%	24%	48%	100%
МИБ	7	0	4	14	25	28%	0%	16%	56%	100%
ИКР	15	3	3	4	25	60%	12%	12%	16%	100%
ИИР	15	3	6	1	25	60%	12%	24%	4%	100%
КМА	3	2	7	13	25	12%	8%	28%	52%	100%
РМК	12	1	11	1	25	48%	4%	44%	4%	100%
КАХ	12	4	5	4	25	48%	16%	20%	16%	100%
ШИИ	10	0	15	0	25	40%	0%	60%	0%	100%
ЮЗК	4	3	6	12	25	16%	12%	24%	48%	100%
РЭГ	9	0	16	0	25	36%	0%	64%	0%	100%
ЮТА	11	1	6	7	25	44%	4%	24%	28%	100%
МЕИ	10	0	5	10	25	40%	0%	20%	40%	100%
ГОД	13	0	5	7	25	52%	0%	20%	28%	100%
n	156	20	104	95	375					
n [%]	42,66%	5,33%	26,67%	25,34%	100%					

Рис. 3. Соотнесение особенностей речи российских немцев с лингвистическими характеристиками

Из 100% (375) прослушанных стимулов – 42,66% было отнесено к фонетике, т. е. испытуемые определили, что интерференция выражается наиболее отчетливо в фонетике (наиболее высокий процент – 68% – фрагмент ПЕЕ), 5,33% – интерференция выражается в лексике (наиболее высокий процент – 16% – фрагмент КАХ), 26,67% – интерференция выражается в грамматике (наиболее высокий процент – 64% – фрагмент РЭГ), 25,34% – «изменений нет» (наиболее высокий процент – 56% – фрагмент МИБ).

Исходя из полученных данных можно утверждать, что интерференция способна охватывать все уровни языка, но особенно заметна в фонетике, т. е. русская речь в устах представителей немецкого национального меньшинства рассматриваемого региона приобретает совершенно определенные фонетические свойства, связанные с фонологическими и фонетическими характеристиками каждой из звуковых систем. Главный источник интерференции – это расхождение в системах взаимодействующих языков: различный фонемный состав, правила позиционной реализации фонем, их сочетаемости, различная интонация, различное соотношение дифференциальных и интегральных признаков, различный состав грамматических категорий и способов их выражения.

Анализ сводной таблицы трех тестов эксперимента позволил сделать следующие выводы. Судя по ответам испытуемых, русская речь только одного информанта-диктора (МЕИ – 56% литературный русский язык) приближена к литературному русскому языку. В речи же остальных информантов-дикторов в той или иной степени присутствует интерференция. Как было изложено выше, интерференция охватывает все уровни языка, однако она более заметна в фонетике, придает речи иноязычный акцент. Исходя из ответов испытуемых, фонетическая интерференция преобладает в речи КАХ – 76% (другой язык), 48% (фонетика). Речь КАХ была определена аудиторами как нерусская, причиной этому послужила фонетическая интерференция в ее речи. Подобные изменения мы находим в речи ШИИ – 96% (другой язык), 40% фонетика), ПЕЕ

– 88% (другой язык), 68% (фонетика), СЭА – 60% (другой язык), 48% (фонетика), ИКР – 68% (другой язык), 60% (фонетика), РРБ – 92% (другой язык), 60% (фонетика), РЭГ – 100% (другой язык), 36% (фонетика).

Наряду с фонетическими изменениями в речи информантов-дикторов рассматриваемого региона аудиторами была обнаружена грамматическая интерференция, выражающаяся в изменении системы склонения, спряжения, времени, порядка слов и др. Фонетическая и грамматическая интерференция наиболее ярко проявляется в русской речи ШИИ – 96% (другой язык), 40% (фонетика), 60% (грамматика), РЭГ – 100% (другой язык), 36% (фонетика), 64% (грамматика).

Лексическая интерференция, по мнению аудиторов, не так ярко представлена в речи рассматриваемых информантов-дикторов. Она, как правило, выражается в часто встречающихся немецких вкраплениях в русскую речь, неосознанном переходе с немецкого языка на русский и обратно. Данные изменения наиболее характерны для русской речи КАХ – 16% (лексика), ИКР – 12% (лексика), РРБ – 12% (лексика), ЮЗК – 12% (лексика).

Подтверждением того, что родной немецкий язык информантов оказывает влияние на русский язык, которым они овладели в измененных социальных условиях, являются ниже приведенные комментарии¹.

2.2 Изменения на фонетическом уровне

Наиболее яркими отклонениями в системе русского консонантизма и вокализма под влиянием родного немецкого языка в русской речи рассматриваемых информантов – российских немцев являются следующие:

1. Согласные произносятся более напряженно в отличие от согласных русского языка и согласных регионального вятского диалекта. Глухим взрывным согласным [p], [t], [k] свойственно придыхание в речи информантов рассматриваемого региона, что является характерной чертой немецкого языка: *[p]олучáется – звуковой фрагмент (далее ЗФ) 3-2; [k]азакс[t]án – ЗФ 4-1; lé[t], льгó[t]ами – ЗФ 4-1; живú[t] – ЗФ 5-1; [t]ý[t], момен[t]áльно – ЗФ 7-1; [p]альтó – ЗФ 8-1; [k]оменда[t]ýру, о[t]éц – ЗФ 9-1; на [p]арохóде – ЗФ 10-1; [t]удá, скó[t] – ЗФ 3-2; [p]áпы, [t]é[t]ство – ЗФ 14-1.*

Что касается реализации глухого взрывного [к], то появление аффрикаты [кх] в русской речи информантов характерно для самых южных областей Германии. В ряде случаев у информантов замечена сильная аспирация [к] в начальной позиции, что является отличительной чертой, характеризующей ряд швабских диалектов; таким образом, мы можем предположить, что

---

1 В статье используется звуковой материал, представленный в звучащей хрестоматии «Речь российских немцев Кировской области» (Байкова О. В., Оношко В. Н. Речь российских немцев Кировской области // Бюллетень фонетического фонда русского языка. Звучащая хрестоматия. Band 15. Verlag Otto Sagner-München-Berlin-Washington D.C. 2013)

обнаруживается перенос диалектных особенностей немецкого языка на русскую речь информантов:

[кx]óжциу, [кx]артóшка – 3Ф 2-1; у[кx]áз, [кx]огóт – 3Ф 1-1; язы[кx]óm – 3Ф 6-1; [кx]ák – 3Ф 7-1; [кx]áрточки – 3Ф 11-1; [кx]орóв – 3Ф 12; [кx]ормá, [кx]ák – 3Ф 14-1.

2. В рассматриваемых звуковых фрагментах присутствует идентификация палатализованных и непалатализованных согласных звуковой системы русского языка с непалатализованными немецкими согласными. Следует отметить, что в системе фонем немецкого языка отсутствует противопоставление «палатализованный – непалатализованный»:

тíсьма, дéвочкас, учíтель – 3Ф 3-2; выселéнии, сопротивлéние – 3Ф 1-1; почемú-то, возíли, обижа́юсь – 3Ф 4-1; мобилизова́ли, нéмцы, любим – 3Ф 5-1; перевóдчик – 3Ф 6-1; жéница, вíдите, две дóчери – 3Ф 7-1; пиши́те, дéньги – 3Ф 9-1; комендáнт – 3Ф 11-1; роди́тели, собирали – 3Ф 12; мíленькая – 3Ф 14-1.

У всех рассматриваемых информантов в произношении наблюдается полувзвонкость звонких согласных, что придает речи приглушенный характер. Такое явление характерно для немецких звонких согласных. Для подтверждения данного положения наряду с русскими текстами приведены немецкие тексты рассматриваемых информантов, за исключением трех информантов, которые ввиду особых причин не стали говорить по-немецки.

Следует обратить внимание на звуковой фрагмент четырнадцатого информанта-диктора, в котором информант заменяет звонкие согласные глухими парными согласными. Это дает нам основание сделать предположение о том, что в русской речи этого информанта проявляются отличительные черты верхненемецких диалектов, в частности франкского, в котором нет фонологического противопоставления по признаку «звонкость–глухость».

3. Альвеолярное образование переднеязычных согласных, что характерно для немецкого языка, также свойственно русской речи исследуемых информантов. Это хорошо прослеживается на примерах в следующих текстах:

дéвочкас, фрóнт – 3Ф 3-2; не панику́йте – 3Ф 1-1; заво́д, ту́т – 3Ф 4-1; девáть, гóд – 3Ф 5-1; сердéчник, лéто – 3Ф 7-1; отéц – 3Ф 9-1; теплó, да́к – 3Ф 12; домо́й – 3Ф 13.

4. Произношение среднеязычного [ç], характерного для немецкого языка на месте заднеязычного [x], характерного для русского языка:

у нí[ç] – 3Ф 5-1, 3Ф 7-1; ру́сски[ç] – 3Ф 6-1; [на четвери́[ç] – 3Ф 10-1; все́[ç] – 3Ф 14-1.

В данных случаях произносится более закрытый гласный, чем в русском литературном языке и региональном диалекте.

5. Произношение увулярного (или глубокозаднеязычного) [X], характерного для немецкого языка, на месте заднеязычного [x] после гласных непереднего ряда:

отды[X]áli – 3Ф 2-1; На[X]óи, вокзала[X] – 3Ф 1-1; быка[X], ботиночка[X] – 3Ф 4-1; тóфелька[X] – 3Ф 7-1; окóна[X] – 3Ф 9-1; é[X]ать – 3Ф 10-1; плó[X]о – 3Ф 10-2; на участка[X] – 3Ф 11-1; двý[X] – 3Ф 12.

6. Наблюдаются отдельные случаи произношения носового заднеязычного [ŋ], характерного для немецкого литературного языка, на месте сочетаний [нк], [нкʰ]:

вале[ŋ]ки, ре[б'óŋ]ком – 3Ф 12.

7. Речи рассматриваемых информантов свойственно произношение альвеолярного назализованного [ɲ], характерного для немецкого языка на месте переднеязычных [н], [нʰ] русского языка:

[ɲ]ás, по-[ɲ]емецки – 3Ф 3-2; [ɲ]арóд – 3Ф 1-1; [ɲ]áцию – 3Ф 4-1; [ɲ]éмы, маши[ɲ]ústом – 3Ф 5-1; óрде[ɲ] – 3Ф 6-1; ступé[ɲ]ькáми – 3Ф 7-1; коме[ɲ]дá[ɲ]т – 3Ф 9-1; [ɲ]ám, м[ɲ]óгие – 3Ф 11-1; прúста[ɲ]и-то, [ɲ]а[ɲ]няlá – 3Ф 12; ве[ɲ]чáли, не же[ɲ]ýлся – 3Ф 13.

8. Некоторые особенности произношения информантов вызваны различием позиционных условий в русском и немецком языках. В первую очередь это касается согласного /j/:

а) наблюдается отсутствие /j/ в абсолютном конце слова после гласных переднего ряда:

в[ʏ]сóк'и вместо высóкий – 3Ф 12.

б) произношение согласного более напряженно вместо сочетания «мягкий согласный + j» перед гласными:

с мáте[r'ý] – с матерью [3Ф 1-1, 3Ф 5-1]; се[m'ý] – семью [3Ф 10-1]; се[m'ój] – семьей [3Ф 14-1].

9. У рассматриваемых информантов прослеживается более закрытое произношение гласных [e], [o] под ударением, [e] произносится как [и], [o] – как [y]:

н[ú]мка вместо нэмка; ск[ý]т вместо скóт – 3Ф 3-2; н[ú]мы вместо нэммы – 3Ф 1-1; г[ý]д вместо гóд – 3Ф 5-1; л[ú]то вместо лéто; д[ú]нь вместо дéнь – 3Ф 7-1.

10. В речи рассматриваемых информантов наблюдается произношение лабиализованных гласных переднего ряда [ʏ], [y:], характерных для немецкого языка вместо гласного [ы] русского языка. Особенно ярко данное явление прослеживается после губно-губных и губно-зубных согласных:

в[y:] вы – 3Ф 3-2; м[y:] мы – 3Ф 7-1; доклáд[ʏ] – 3Ф 11-1; в[ʏ]сóки, билéт[ʏ] – 3Ф 12; пáп[ʏ] – 3Ф 14-1.

В русской речи информантов наблюдается отличие в произношении безударных гласных от литературного русского языка и регионального диалекта. Это позволяет сделать следующее предположение: данное отклонение обусловлено тем, что в немецком стандартном языке нет качественной редукции гласных в безударных слогах. Поэтому у информантов, родным языком которых является немецкий язык, наблюдается произношение, близкое к орфографии.

Немецкий акцент в произношении характеризуется отклонениями в ритмической структуре слова, которые вызваны различием в характере ударения и просодических законов в русском и немецком языках. В речи информантов мы можем наблюдать следующие явления:

- более напряженное, сильное произношение ударного слога прослеживается у всех информантов;

- более длительное произношение открытого слога в конце слова:

кхартóшк[ā] – 3Ф 2-1; н[ú]мк[ā] – 3Ф 3-2; зáрев[ō] – 3Ф 3-1; плó[Хō] – 3Ф 4-1; мál[ō], стál[ō] – 3Ф 5-1; лét[ō] – 3Ф 7-1; б[У]л[ō] – 3Ф 8-1; рабóт[ā] – 3Ф 9-1; дéтств[ō] – 3Ф 14-1;

- выделение безударного слога (слов) дополнительным ударением: *ботíночкáх – 3Ф 4-1; дóнесéния – 3Ф 6-1; тóфелькáх, ступéнькáми – 3Ф 7-1; кòлхóзники – 3Ф 8-1; извóзчикòв – 3Ф 12; вòспалéние – 3Ф 13;*

- в русской речи носителей немецкого языка как родного наблюдается равномерное произношение безударных слогов (обычно заударных):

ни кóстóчэк – 3Ф 2-1; рúсскíми – 3Ф 3-2; дéвóчки – 3Ф 8-1; кóмэндáнт – 3Ф 9-1; прáздникí, пóстéпéнно – 3Ф 11-1; жéницíна – 3Ф 12; дéдúшкí – 3Ф 14-1;

- Наблюдаются отдельные случаи отсутствия слитности в произношении слова:

- а) выделение приставок, суффиксов, компонентов сложного слова ударениями разной силы:

пòсади́ли – 3Ф 10-1; прíостанóвит – 3Ф 11-1; пèреофóрмили, òтмéтились – 3Ф 14-1;

- б) выделение начала морфемы, начинающейся с гласного, твердым приступом:

‘обмéн – 3Ф 2-1; ‘учíтель – 3Ф 3-2; ‘одурмáнили – Тест 1-1; ‘однá – 3Ф 5-1; ‘áдрес – 3Ф 6-1; ‘отéц, ‘обрáтно – 3Ф 12; ‘окóнчила – 3Ф 14-1.

Особенно ярко это явление заметно при стечении двух гласных на морфемном стыке:

само ‘úчка – 3Ф 3-2; специ ‘áльно – 3Ф 12; пяти ‘этáжный, пèре ‘офóрмили – 3Ф 14-1.

Однако говорить конкретно, откуда появляется отклонение в произношении безударных гласных от литературного русского языка, достаточно проблематично без дальнейшего детального исследования.

2.3 Изменения на лексическом уровне

Влияние родного немецкого языка на неродной русский язык информантов может также проявляться на лексическом уровне, что выражается в заимствовании из немецкого языка слов, использующихся в качестве части (компонента) русского слова, постоянные немецкие «вкрапления» в русскую речь, частый неосознанный переход с русского языка на немецкий и наоборот,

как следствие того, что российские немцы изучаемого региона являются билингвами, для которых выражение мыслей на русском и немецком языках является одинаково доступным.

Методом слухового анализа нами обнаружены следующие особенности в области лексики:

1. Использование заимствованных из немецкого языка слов в качестве части (компонента) русского слова:

[jan]евар – 3Ф 2-2, [divisi]онный – 3Ф 6-1.

2. Постоянные, характерные для речи этнических немцев данного региона немецкие «вкрапления» в их русскую речь:

*«...Ну, у нас там была целая ну ведь **Gruppe** (-группа)...» – 3Ф 3-2;*

*«...И нас домой. Мы **schon** [-уже] Находи были...» – 3Ф 1-1;*

*«... И его оставили тоже в ш... это в **Division** [-при штабе]...» – 3Ф 6-1;*

*«...**Die andere Schwester ist in** [-другая сестра в] Киров главным бухгалтером...» – 3Ф 7-1;*

*«... Вот так, **nichts Gutes** [-ничего хорошего]...» – 3Ф 10-1.*

3. В русской речи некоторых информантов наблюдается употребление отдельных фраз на немецком языке.

В 3Ф 7-1 – неосознанный переход КАХ с русского языка на немецкий и наоборот подтверждает наше предположение о том, что в данном случае информантке легче выразить свою мысль на каком-то определенном языке:

*«...А сын по седняшний [=сегодняшний] день тут, он не больно и хочет. **Er ist hier in... in..., wie kann man das sagen, er ist hier...** в почете в леспромхозе. Его... **sie lieb[e]n ihn э... alle...**» – 3Ф 7-1.*

В 3Ф 1-1 – ЮТА цитирует указ о выселении российских немцев на немецком языке, на котором он был опубликован в газете для российских немцев:

*«...Я давал... где-то эта газета сохрани... хран... в связи с тем, что обнаружены тыщи [=тысячи] **tausend und tausende Spionen, Diversanten...**» – 3Ф 1-1.*

В 3Ф 12 – в своих воспоминаниях ГРА от лица маленькой девочки передает слова матери, как она их запомнила, не переводя на русский язык:

*«... Ага, мама заходит. Я: “**Oй, Mama liebe, Mama liebe...**” Бросилась на шею-то ей, она: „**O, Lischen, mein Kind, mein Kind, mein Kind!**” [Плачет] И мы заплакали. И [в]се... и [в]се люди заплакали...» – 3Ф 12.*

Можно предположить, что данные переходы с одного языка на другой, скорее всего, связаны с эмоциональным возбуждением, с переживаниями информантов-дикторов.

Интересно, что во многих 3Ф встретились диалектная лексика, относящаяся к вятским говорам:

*«И зашел на четвертый этаж к **сестреннице**» – сестренница ‘двоюродная сестра’» – 3Ф 7-1;*

«*Пирог такой намазанный и жирный, и вчерашние колобушки, и хлеб...*»; «*Высо-о-окий угор такой*» – колобушки ‘булки, ватрушки’; угор ‘холм, возвышенность’ – ЗФ 12;

«*...кровать поставили в середке тут...*» – середка ‘середина’ – ЗФ 13.

2.4 Изменения на грамматическом уровне

На грамматическом уровне влияние родного немецкого языка на неродной русский язык информантов проявляется в изменении систем склонения, спряжения, временных форм глагола, порядка слов и др.

Нами обнаружены следующие явления в области грамматики:

1. Перенос грамматической категории рода, соответствующей немецкому языку, на русский язык:

«*...Фронт везде шла...*» – ЗФ 3-2.

В этом случае женский род немецкого существительного “*die Front*” перенесен на русское слово мужского рода “*фронт*”.

«*...оно из одного пальто она бы, это, сшила большой да и поменьше...*» – ЗФ 12.

Здесь мужской род существительного “*der Mantel*” (пальто) перенесен на русское слово среднего рода “*пальто*”.

«*...Мать каждый лето приезжает, она как четыре года как уехала...*» – ЗФ 7-1.

В данном случае мужской род немецкого существительного “*der Sommer*” [лето] перенесен на русское существительное среднего рода “*лето*”.

«*...Нашли старый ведро...*» – ЗФ 2-1.

В этом случае мужской род немецкого существительного “*der Eimer*” (ведро) перенесен на русское существительное среднего рода “*ведро*”.

«*...Вот э... забыла уж сколько километров от нас было это деревня...*» – ЗФ 13.

Здесь средний род немецкого существительного “*das Dorf*” (деревня) перенесен на русское существительное женского рода «*деревня*».

2. В ЗФ 3-2 и ЗФ 4-1 мы предполагаем, что СЭА и РЭГ, носителями нижненемецких диалектов, в словах *девочкас*, *ботиночкас* используется вариант уменьшительного суффикса **-kes**, что характерно для нижненемецких диалектов, т. е. в данном случае мы наблюдаем не только влияние немецкого литературного языка, но и немецких диалектов.

3. Перенос управления глаголов немецкого языка на глаголы русского языка:

«*...он меня так начал ведь обучать русский язык...*» – ЗФ 3-2.

Немецкий глагол “*unterrichten*” (обучать) требует управления винительным падежом без предлога “*Russisch unterrichten*” в отличие от русского языка, который требует дательного падежа – «обучать русскому языку».

4. В ЗФ 12 мы также наблюдаем перенос немецкого грамматического явления на русскую речь информанта. По аналогии с немецким языком, в котором в зависимости от падежа меняется предлог и артикль в дат. и вин. падежах, к существительному же окончание не прибавляется: *“nach Lalsk”* (в Лальск), *“in Lalsk”* (в Лальске):

«...что надо мне в Лальск, в Лальск, ви(ди)шь, папа-то в Лальск...» – ЗФ 12.

3. Выводы

В целом, наблюдения над речевым поведением жителей немецкой национальности Кировской области показывают, что русская речь русско-немецких билингвов неоднородна и варьирует от «практически безакцентной» до «неестественной» для слуха русских монолингвов. Если на уровне лексики и грамматики интерференция может проявляться не у всех билингвов, то фонетическая интерференция – акцент – в той или иной степени имеет место у всех двуязычных информантов (ср. Рис. 1, 2, 3).

Отклонения от русской орфоэпической нормы и регионального диалекта определяются в основном нарушением противопоставления глухих и звонких, твердых и мягких согласных, а также орфофоническими особенностями в реализации всех переднеязычных согласных, что создает впечатление иноязычного акцента. В области лексики и грамматики наблюдаются особенности, проявляющиеся в заимствовании из немецкого языка слов, использующихся в качестве части (компонента) русского слова, постоянные немецкие «вкрапления» в русскую речь этнических немцев, частый неосознанный переход с русского языка на немецкий и наоборот, а также изменения в системах склонения, спряжения, временных форм глагола, порядка слов, искажении синтаксических конструкций и др.

Таким образом, суммируя все вышесказанное, следует отметить, что факт правильного произнесения одних иноязычных звукосочетаний и допущение интерференции в произнесении других говорит о том, что процесс овладения звуковой системой второго языка не мгновенен и что одни иноязычные звукосочетания начинают произноситься согласно иноязычной норме раньше, а другие позднее. В этом случае мы наблюдаем процесс смешения звуковой системы окружающего языка и звуковой системы воспринимающего языка. По мнению В. А. Виноградова, возникает последовательность аппроксимированных систем, которые находятся в развитии и все более приближаются к системе неродного языка, используемой носителями (Виноградов 1984). Иными словами, наблюдается зарождение третьей – промежуточной системы, не совпадающей ни с немецким, ни с русским языками и выполняющей в сознании билингва адаптивную функцию к языку окружения. Проанализировав полученные данные, можно с уверенностью утверждать, что при определенных социальных условиях, когда осуществляется интенсивный контакт с иноязычной средой, российские немцы овладевают

языком окружения, однако при этом интерференция проявляется на всех уровнях неродного языка и приводит к иноязычному акценту в речи, что установлено экспериментальным путем.

ЛИТЕРАТУРА

- Байкова О.В., Оношко В.Н. Речь российских немцев Кировской области. Бюллетень фонетического фонда русского языка. Звучащая хрестоматия. Verlag Otto Sagner–München–Berlin–Washington D.C., 2013
- Баранникова Л. И. Сущность интерференции и специфика ее появления. Проблемы двуязычия и многоязычия. Москва, 1972. С. 80–92.
- Вайнрайх У. Языковые контакты: состояние и проблемы исследования / Вступ. статья В. Н. Ярцевой. Благовещенск: Благовещенский гуманитарный колледж, 2000. 260 с.
- Виноградов В.А., Коваль А.И., Порхомовский В.Я. Социолингвистическая типология (Западная Африка). Москва, 1984.
- Дешериев Ю.Д., Протченко И.Ф. Основные аспекты исследования двуязычия и многоязычия. Проблемы двуязычия и многоязычия. Москва, 1972. С. 26–42
- Донгаузер В.П. Развитие звукового строя говора в условиях иноязычного окружения (на материале франкского говора жителей немецкой национальности города Березовский Свердловской области). Ленинград, 1980.
- Дятлова В.А. Тенденции развития островных говоров немцев Сибири в условиях иноэтнического и иноязычного окружения. Немцы Сибири: история и культура: материалы IV междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск, 2003. С. 154–157.
- Жлуктенко Ю.А. Лингвистические аспекты двуязычия. Киев, 1974.
- Карлинский А.Е. Основы теории взаимодействия языков и проблема интерференции: автореф. дис. ... д-ра филол.наук. Киев, 1980.
- Краузе М., Люблинская В.В., Саппок К. Диалектное сознание в современной России: географическое определение диалектных текстов и их оценка // Русский язык: исторические судьбы и современность Москва, 2001. С. 67–68.
- Леонтьев, А.А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. Москва, 1969.
- Любимова, Н. А. Фонетическая интерференция: учебное пособие. Ленинград, 1985.
- Мейе А. Сравнительный метод в историческом языкознании. Москва, 1954.
- Москалюк Л.И. Современное состояние островных немецких диалектов. Барнаул, 2002.
- Москвина Т.Н. Островные семантические процессы в лексике островного немецкого диалекта Алтайского края. Немцы Сибири: история и современность: материалы V междунар. научно-практ. конф. Омск, 2006. С. 219–221.
- Розенцвейг В.Ю. Основные вопросы теории языковых контактов // Новое в лингвистике. Москва, 1975. С. 5–24.

- Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. Москва, 1993.
- Щерба Л.В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. Ленинград, 1958
- Baykova O. Русские заимствования в языке этнических немцев Кировской области как результат лингвокультурного контактирования. *Russian Linguistics*. Volume 41, Ussue 1, 2017. Pp. 43–60.
- Knipschild M., Sappok Ch. Akustische Zeichenverarbeitung durch SONA und VERSTEU. *Fortschritte der Akustik*. Bad Honeff, 1991. S. 1045–1048.
- Krause M., Ljublinskaja W., Sappok K. Russian speaker's dialect image – a perceptual study. Filppula M. et al. (eds.) *Topics in dialectal variation*. Joensuu, 2006S. 31–44.
- Schirmunski V. Die schwäbischen Mundarten in Transkaukasien und Südukraine. *Teuthonista*, 1928. S. 38–60.

INTERFERENCE IN THE RUSSIAN SPEECH OF GERMANS-BILINGUALS OF THE KIROV REGION UNDER THE INFLUENCE OF NATIVE GERMAN DIALECTS

Olga V. Baykova

Vyatka State University, Kirov

The problem of interference is one of the most complex issues related to language interaction, so it is especially important to investigate its workings on the example of the language of Russian Germans in the Kirov region. The article realizes the historical and linguocultural approaches to the study of the interrelationship between folk-colloquial speech and the traditional culture of Russian Germans, residing on the territory of the Kirov region. The author presents the results of an in-depth analysis of interference features in the Russian speech of German bilinguals under the influence of the German language and its dialects, namely, the phonetic, lexical and grammatical features that occur under the influence of interference with the German language. The Russian speech of German bilinguals is heterogeneous and varies from "virtually without accent" to "unnatural" for Russian monolingual hearing. The interaction of the Russian and German languages in the speech of German bilinguals resulted in the increased invasion of the norms of one language system into the framework of another language. This leads to the so-called levelling of the interacting languages. In other words, we see the emergence of a third – intermediate system that does not coincide either with the German or Russian languages and performs in the bilingual consciousness an adaptive function to the environment language. This study contributes to German dialectology, enriching both the theory and typology of island dialects, which retain archaic features, and the theory and practice of scientifically grounded language policy and language preservation.

Keywords: Russian Germans of the Kirov region, interference at all levels of the language, mixing of languages

Об авторе:

БАЙКОВА Ольга Владимировна, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой лингвистики и перевода Вятского государственного университета, e-mail: olga-baykova@yandex.ru